

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МУЗЕЕВЕДЕНИЕ

О.Ю. Артемова

ВИК ИНАНА*

Несколько предварительных замечаний

Еще в студенческие годы я обнаружила в Библиотеке им. Ленина уникальный сборник фольклорных рассказов «Мифы мункан», изданный австралийской исследовательницей У. Макконнел (1957). Большинство текстов было записано в селении Аурукун в конце 1920-х годов. Эти произведения на всю жизнь очаровали меня своей безыскусной красотой и правдивым отражением повседневных реалий охотничье-собирательского быта, вплетенных в немудреный сюжет тотемических мифов. Каноны мифа в них — лишь внешнее обрамление, а основное содержание — рассказы о том, как персонажи бродят в лесу, добывают пищу, едят и спят, женятся, влюбляются, ссорятся и дерутся, танцуют и поют. Иными словами, делают все то, что и создатели текстов. Не случайно У. Макконнел назвала их «Зеркало жизни». На текстах этого сборника У. Макконнел и на других ее публикациях об аборигенах группы вик была построена моя дипломная работа на историческом факультете МГУ (1975). Затем я перевела мифы мункан на русский язык, и в 1981 г. они были изданы отдельным сборником. Они же составили немалую долю источников моей кандидатской диссертации, защищенной в Институте этнографии АН СССР в 1981 г. а также основанной на этой диссертации монографии (1987). Таким образом, вик-мункан — это группа коренных австралийцев, с которой на протяжении многих лет наиболее тесно были сопряжены мои профессиональные интересы и романтические мечты о казавшейся недоступной Австралии.

Аурукун — его жители — до сих пор остается одной из наименее изученных групп коренного населения Австралии. Если аборигенам Северной Территории посвящены чуть ли не сотни специальных работ, то аборигенам группы вик — всего несколько десятков, причем часть из них — это неопубликованные магистерские или докторские диссертации А. Фон Штюмера, П. Саттона и Д. Мартина. Среди авторов опубликованных работ помимо У. Макконнел следует назвать Д. Томсона, Д. Макнайта, Б. Сайреса, а также уже упоминавшихся Саттона и Мартина.

*Буквально на языке вик-мункана — «Вот это Вик» или «Вик теперь».

Вот почему я выбрала именно это место, когда случилось чудо: у меня появилась возможность поехать в поле к аборигенам Австралии. Экспедиция была совершена в период с 11 октября по 28 ноября 2005 г. Аурукун — это Северный Квинсленд, 13 градусов южной широты, слияние рек Арчер и Уотсон, недалеко от залива Карпентария, 600 км от г. Кэрнс. Вокруг никакого другого жилья. Основная этническая группа — вик-мункан, хотя представлен и ряд других: вик-алкан, вик-мунеа и др. Население приблизительно численностью 1200 чел., из них не более 60 — белые австралийцы, главным образом занятые на руководящей работе.

Общая характеристика поселка и жизни его населения

Поселок был основан в 1905 г. немецким миссионером. Плоский ландшафт. Тропический климат с двумя четко выраженными сезонами, сухим (апрель-ноябрь) и влажным (декабрь-март). Поселок окружен эвкалиптовыми лесами. На его территории много специально культивируемых деревьев — кокосовых пальм, манговых деревьев, магнолий и др. Почти все они были посажены в эпоху правления миссионеров и под их руководством.

Леса изобилуют птицами, змеями (в большинстве своем очень ядовитыми), сумчатыми и одичавшими свиньями, коровами, лошадьми. Реки и болота полны рыбы, моллюсков, крабов. Очень многочисленны крокодилы, представляющие постоянную опасность для людей и животных.

Я прилетела в Аурукун из Кэрнса на маленьком самолете. В нем было всего девять пассажиров и пилот. Во время полета смотрела вниз на землю, немного фотографировала и записывала на видеопленку. Совершенно пустынная гористая местность, я думала: будут пышные тропики, буйство зелени. Но нет. Сухая, почти безводная земля, лишь отдельные полувысохшие озера. Растительность кустообразная и призрачные эвкалипты. Почти полное бездорожье на многие сотни километров. Потом подлетели к Аурукуну. Он расположен на совершенно плоской равнине неподалеку от устья очень крупной реки Арчер, которая впадает в залив Карпентария (а дальше Индийский океан). Залив был виден сверху, чудесная голубая вода, маленькие заливчики вроде фьордов. Самолет сел на полосу. У эфемерного сооружения стояла группа аборигенов, одни встречали прилетевших родных, другие готовились сесть в самолет и лететь обратным рейсом в Кэрнс. Вокруг кокосовые пальмы. Жара, но ветерок. Сухо.

Еще в Кэрнсе перед вылетом я стала присматриваться к аборигенам, которые там бродили около маленького аэродрома, ожидали рейсов. Один был очень больной, еле ходил, нога распухла, босой и несчастный. Он улетел на другом самолете. Трое летели вместе со

мной. Двое мужчин и одна женщина. Выглядели очень мрачно, уныло сосредоточенно на чем-то своем. Но потом, когда я было устремилась не в свой самолет, женщина подозвала меня к себе, сказала сидеть рядом и ждать. Мы с ней познакомились. Она стала мной руководить. Дэвид Мартин, антрополог из Канберры, прислал мне список людей, с которыми мне хорошо бы пообщаться в Аурукуне. Я ей этот список показала, она была довольна, что ее он назвал мне одной из первых. В самолете нам дали легкий завтрак. Все поели, а моя новая знакомая свой завтрак не тронула. У полосы ее встречала дочь, взрослая девушка, но, быть может, немного психически нездоровая. Моя знакомая отдала ей свой завтрак, и та тут же принялась есть. Позже мои наблюдения согласовались с подозрением, что люди в Аурукуне зачастую не вполне сыты.

Аборигены, составляющие подавляющее большинство населения Аурукунa, — это представители разных этнических групп и кланов, искусственно объединенные вокруг протестантской миссии, которая просуществовала до начала 1970-х годов. В настоящее время все они покинули свои традиционные охотничьи угодья, и охота, рыболовство, собирательство перестали быть основой жизнеобеспечения, подвижный образ жизни сменился оседлым. В то же время значительная часть традиционных охотничьих угодий находится в собственности представителей различных кланов, и только они принимают любые решения, касающиеся использования их земель, а также посещения какими-либо «несобственниками». Основным источником средств к существованию являются государственные денежные пособия. Некоторые аборигены работают по найму. Многие получают дивиденды с ведущихся на их землях разработках минеральных богатств. Охота и рыболовство рассматриваются скорее как развлечение и отдых, нежели как источник средств к существованию.

Поселок застроен стандартными бетонными домами: четыре комнаты, холл, кухня с газовой плитой, канализация и водопровод. При домах небольшие участки. Однако ввиду отсутствия навыков домашней жизни и чрезвычайной скученности (в одном стандартном доме помещается порой по пятнадцать и более человек) и дома, и земля, предназначенная под палисадники, пребывают по большей части в плачевном виде.

Одежда стандартная европейская. У женщин в хорошем состоянии. Мужчины и в особенности дети выглядят менее ухоженно.

Продукты и одежду покупают в двух магазинах — продовольственном и промтоварном. Цены даже по масштабам Австралии чрезвычайно высоки.

Кроме того, имеется таверна с романтическим названием «У трех рек». Это заведение, где можно купить готовую еду и где, единственно здесь, можно купить пиво и потребить на месте. Оно работает

ежедневно с трех часов дня до семи вечера. В субботу — с утра до часу дня. В воскресенье закрыто. Причем те, кто продает пиво, скажут сами, когда человеку уже хватит пить, и больше не дадут. За пределами таверны царит сухой закон. Пить нельзя никаких алкогольных напитков никому. Нельзя также привозить алкоголь из города. Нарушителям грозит не только штраф, но и лишение свободы сроком до двух лет.

Таверна представляет собой нечто вроде загона, хотя и неплохо внутри оборудованного: чистые столы и лавки, тропические растения в кадках, звучит приятная музыка, — где сидят все, кто купил пиво, почти исключительно аборигены. Трое или четверо огромных белых охранников наблюдают за порядком. Я попыталась войти туда в первый же день по приезду. Не выпить, а исключительно в исследовательских целях, но охранники были недовольны, и тут же с банкой пива в руках прибежала моя знакомая по самолету и спросила, что тебе, мол, тут понадобилось. Я проявила готовность ретироваться, но перед этим спросила, нельзя ли мне пойти посмотреть на реку, здесь поблизости причал, я слышала. Но было отвечено: иди-ка туда, где живешь! Я так и сделала. Уходя, услышала звуки намекающей ссоры, но один из охранников быстро утихомирил кого-то из мужчин-аборигенов. Почему-то остро вспомнились «Хижина дяди Тома» и «Маленькая Вера (танцплощадка)» одновременно.

Люди эти черные выглядят больными и несчастными, угрюмыми, недовольными, усталыми, апатичными. Хотя в своем кругу часто громко смеются и громко включают музыку. А посторонним улыбаются неохотно.

Несмотря на то, что жители Аурукуна уже по крайней мере в третьем поколении не являются охотниками/собирающими, они в поразительной степени сохраняют традиционную ментальность, многие черты традиционных социальных отношений и духовной культуры. Все говорят на языке вик-мункана, который вот уже в течение более ста лет является лингва франка обширного района западной части п-ва Кейп-Йорк. Язык охотников и собирателей, в котором нет числительных, сослагательного наклонения, неопределенных местоимений и многого другого. Некоторые люди помимо вик-мункана говорят на других аборигенных языках. Второй обязательный язык — английский, как в аборигенном варианте, так и стандартном австралийском. Дети не говорят по-английски до 4–5 лет. Все взрослые жители Аурукуна имеют начальное или среднее образование. Однако уровень его сильно отстает от среднего австралийского. В поселке функционируют школа и детский сад.

Никаких человеческих отношений, кроме родственных, местные жители не признают. Мне тоже пришлось вписаться в эту систему, и я стала кому сестрой, кому дочерью, кому теткой, а кому и баб-

кой. Я с трудом за три недели достигла ситуации (а всего у меня было семь недель), когда меня признали и допустили в свой круг некоторые уважаемые в среде аборигенов люди. В этом мне очень помог археолог Роджер Криб, приехавший на несколько дней в Аурукун по своим делам. Но и сблизившись с некоторыми аборигенами и будучи даже принятой в качестве родственницы в одно из семейств (меня «представили земле его предков», совершив особую церемонию), я могла только наблюдать и задавать некоторые робкие вопросы по ходу наблюдаемого. Ни магнитофоном, ни блокнотами не пользовалась. Сразу после общения заносила все, что запомнила, в компьютер. Видеокамеру применяла только в экзотические моменты, когда была уверена, что люди не будут недовольны, легко дадут разрешение на запись.

Никаких неприятностей, смертей и болезней, по убеждению жителей Аурукуна, просто так не бывает, все это пурри-пурри. Колдовство. Дома, в которых кто-то умер, закрывают на несколько месяцев, и не пользуются ими, пока не проведут особую церемонию. Никто ничего не копит: ни денег, ни вещей, все циркулирует по кругу между родственниками. Либо все едят (и пьют, конечно, пьют даже прежде, а едят уж потом), либо у всех есть нечего и выпить не на что. В пятницу получили деньги, в понедельник ни у кого денег нет. Игра в карты до полного самозабвения. А потом церковь и пение псалмов хором под электрогитару.

Например, в магазине ко мне подходит женщина. Явно хочет общаться. Привожу ее к себе. Видно, что голодная. Недавно была выплата, но она все в карты проиграла за ночь и еще в долгу осталась. Откровенно рассказывает. Угощаю, чем могу. Такие эпизоды множатся.

Когда у людей в той или иной части поселка складывается «карточный круг», то они забывают все. Играют ночи напролет, выигрывают и проигрывают тысячи долларов, и не то что сами, а дети голодные целыми днями бродят. Та же женщина рассказывает: на прошлой неделе она выиграла в карты 3200 долларов. И что, говорю, нет уже? «Нет ничего. Еду купила всем, одежду купила, детям в Кэрнс деньги послала. Нету больше. А было много, в карманы совала, и еще за пазуху, все места для них не хватало. А в среду мне снова заплатят пенсию, но все деньги пойдут на музыку. Я музыку люблю, выписала дисков на 400 долларов». И перечисляет, чьи. Я никого не знаю. Выдающиеся австралийские певцы и певицы.

Вот, сегодня пятница, выплата денег. Все получили, пошли за продуктами в магазин. В три часа откроется таверна. Что осталось после покупки продуктов, снесут туда или спустят в карты за ночь. А ночь будет бурной! Утром повезут на «летающем докторе» в Кэрнс жертвы семейных и других «разборок». А в субботу таверна откры-

та с 10 утра до часу дня. У кого остались деньги, те будут «спускать» эти остатки. Потом будут продолжать выяснять испорченные в субботу или накануне отношения. Ночь с субботы на воскресенье пройдет тоже бурно. В воскресенье, кто сможет, пойдет в церковь. Утренняя служба солидная. Некоторые белые люди приходят. Ведет полинезийский священник. С архипелага Тувалу. Остальные будут спать.

Утро понедельника прекрасно своим деловым настроением. С шести утра звенят электропилы, ездят грузовики и джипы, потом дети шумно бегут в школу. Матери их ведут. А еще хорош вечер воскресенья. В семь часов звонят к вечерней службе. Ее ведут местные священники вик-мункан. Приходят многие. Исключительно черные люди и я. Гитарист рядом с проповедником. И они поют псалмы по книге. Как поют! Хор консерватории так не сможет. И ни на что не похоже. Ритм ладонями отбивают, руками, поднятыми вверх, почти как на рок-концерте размахивают. Я записала на видеопленку одну вечернюю службу почти полностью. Вот бы служба в церкви была каждый день, а работа только по воскресеньям!

А еще одна из сотрудниц администрации собирает два раза в неделю в церкви детские клубы. В одном — дети до 12 лет, а в другом — до 16. Она с ними играет, показывает развлекательные фильмы, а потом что-то религиозное им рассказывает, сюжет из Старого или Нового Завета, поучительный, потом они это рисуют или раскрашивают уже готовый рисунок. Потом что-то поют. Потом им дают по куску пирога или по пирожному и стакану напитка со льдом. Я с ужасом смотрю на этот лед (один почти лед, напитка мало) и на их простуженные кашляющие лица, но тут эти вещи — холодное питье в жару и простуды — как-то между собой не связывают. Некоторые дети (наверное, самые умные) потихоньку напиток выливают. Также они получают по воздушному шарик и по «раскраске». Им взять не во что, рук не хватает, у них все на землю летит. Но вообще это большой труд, который сотрудница администрации почти в одиночку вытягивает. Печет все сама. По семьдесят пирожных иногда. Пирожные для них праздник, ведь ничего такого здесь не продают, и матери не пекут ничего дома. Маленькие идут в клуб с охотой. А старшие немногочисленны, едва тянутся, в течение часа собирается человек семь, так что иногда запускают и мальшей в старший клуб. Удивительный был эпизод. Руководительница велела им петь что-то о Христе, кажется, как его распяли за наши грехи («за мои, за твои, за твои, за твои — за наши!»). Пение сопровождалось отбиванием ритма на традиционных деревянных палочках (клэп стикс), а кому их не хватило, те барабанили по столу. Мальчишки просто неистовствовали! Они — прирожденные музыканты, актеры и художники! Не трактористы и не подметальщики улиц.

Все жители Аурукуна — и дети, и взрослые — обожают музыку и покупают музыкальные центры от нескольких сотен до несколь-

ких тысяч долларов стоимостью, тратят сотни долларов на новые музыкальные диски, которые выписывают по почте из Кэрнса, Брисбена и других центров, знают множество современных певцов и группы, но только австралийские, но и другие, смотрят кино по телевизору и называют детей в честь знаменитых актеров. Скажем, я знаю Настасью, шести лет, которая названа в честь Настасьи Кински; увидев изображение Мэриел Стрипп, узнают ее безошибочно. Обожают машины и моторные лодки, но следить за ними не могут, поэтому им постоянно не на чем ехать на рыбалку или на охоту, о которых они страстно мечтают. Не носят наручных часов и терпеть не могут «наблюдать» часы. С ними невозможно назначить свидание, они не приходят. Любят звонить по телефону, но не любят писать письма, даже учителя; мусор бросают, где придется, за детьми следят очень мало, плохо кормят; дети все время в пыли вместе собаками; собак видимо-невидимо, но их вообще не кормят, они больные и полумертвые, у детей из-за этого кожные болезни. Вообще здоровье людей там расстроено, многие рано умирают и уже в пятьдесят стариками выглядят. От жары страдают гораздо больше, чем я, например; ослаблены, как будто бы быстро утомляются. Но если им интересно, то работают и в самый зной, скажем, изготавливают традиционные художественные предметы, плетут, режут по дереву. А подметать не любят, равно как и мыть полы в домах.

В поселке, как уже говорилось, имеется детский сад, там очень хорошо о детях заботятся, но туда ходят, я думаю, лишь немногие дети. Две группы: до двух лет, и до шести. В первой на восемь детей две воспитательницы, а во второй на 17 — три. Спят дети, что мне показалось очень разумным, когда хотят. Очень заинтересованы в питании, которое получают три раза, пока там находятся. А конец пребывания в два часа дня (начало в восемь). Сотрудница этого учреждения подтвердила мое подозрение, что дети голодные: родители не умеют распределять деньги, да и тратят «не на то». С детьми поют (со старшими), танцуют, рисуют. Только одна постоянная воспитательница — белая молодая женщина, остальной весь штат — аборигенки. Некоторые получили сертификат или даже диплом специалиста по дошкольному воспитанию. Ездили учиться в Кэрнс. Все там у них на «советский» лад: вроде соцсоревнования — доска с фотографиями лучших работников и их высказываниями, вроде: «Я работаю здесь, потому что люблю детей, а дома скучно!». Есть и вывеска «Работница дня». Там фото меняются.

В том же здании, но в отдельной комнате издается на английском языке нехитрым образом черно-белый журнал Вик Инана (последнее слово, как я потом узнала, означает что-то вроде «здесь», «теперь», «вот»), выходящий раз в две недели и стоящий один доллар. Мне дали два номера, я прочла от корки до корки с огромным инте-

ресом. Кстати, уже позднее я купила еще один номер и в нем прочла такое: «Детский автобус! Будьте дома, когда развозят детей. Детский автобус — не такси, и мы не станем высаживать детей в карточный круг». А на двери такое объявление: «Кто привел ребенка и не записал его в книгу, может не получить обратно». Или такое: «Недавно на пристани крокодил утащил двух собак. Берегите детей. Скоро мы уберем крокодилов из наших угодьев».

Очень трогательно и живописно выглядят детишки на улицах. Их видимо-невидимо. Похоже, что всякий новый вик-мункан приветствуется в Аурукуне. А какая жизнь его ждет, это уж другой вопрос. Многие, босые, бредут по вечерам к таверне высматривать и выкрикивать своих отцов, а может, и матерей. Подростки делают то же самое, подъехав на велосипедах (там велосипеды, наверное, у всех и в неплохом состоянии) вплотную к решетке, незыблемым кольцом окружающей это заведение. Отдельные родители нехотя реагируют на своих чад, что-то выкрикивая издалека.

Сплошь и рядом детишки рассаживаются посреди улицы прямо в пыли. Головки патлатые, платьвица и штанишки разноцветные. Что-то болтают по-мункански, по-английски такие (до пяти лет) почти не говорят, хотя понимают кое-что. По словам одной белой дамы, которая, в свою очередь, повторяла заключения Барбары Сайерс (лингвиста), у современных детей язык вик-мункана очень беден, плох.

Здоровье их в плачевном состоянии. Все время на земле, в пыли вместе с собаками, на которых ни одного здорового места вообще не отыщешь. Детские кашель и чихание слышатся непрерывно в любом месте, где их скопление. А вот плача почти не слышно, и родители их не одергивают, не кричат на них, не сердятся; лишь слегка поправляют, очень спокойно, почти лениво, в помойку, скажем, у себя на глазах забираться не позволяют. Как устойчивы некоторые традиции! Пемитативное (от англ. *permit* — *разрешать*) воспитание, например. Для детей аборигенов до сих пор мало запретов. Я наблюдала такую сцену. В церкви должна была начаться служба. Звонили в колокольчик (по сравнению с нашими колоколами это именно колокольчик), но народ не шел. Играл гитарист, входил и выходил священник. Тут забрел какой-то курчавый мальчик. Пошел в алтарь и стал играть с искусственными цветами, которые в вазах стоят. Вынет, помашет, о стол с кружевной скатертью потреплет, вставит вкривь и вкось, другой возьмет. Никто не сделал ни одной попытки прекратить это «святоотатство». Только когда уже начали петь, ему спокойно сказали: «Саре, садись». Он нехотя сел. К слову: частые гости церкви — собаки. Их, правда, гонят, хотя лениво.

А сидение на земле! Дети садятся, где стоят, не задумываясь. И этому никто не препятствует. Удивительно, ведь уже несколько поколений эти люди не ведут жизнь бродячих охотников-собира-

лей, неужели эти «телесные практики», «приемы пространственного поведения» в крови, в генах? Что-то этологическое? Взрослые предпочитают стулья, носят с собой легкие пластмассовые стулья туда, где предстоит сколько-нибудь долго пробыть, но где же набраться стульев на такую ораву детей? Правда, власти призывают родителей пользоваться подушками и подстилками. Но это делается только на организованных властями мероприятиях.

Официальная организация власти

Поселок и прилегающий к нему обширный район традиционных земель аборигенов группы вик формально управляется аборигенным Советом. Это выборный орган. В тайном голосовании принимают участие все члены сообщества. Восемь членов Совета исключительно аборигены. Во главе — мэйор. Это также выборная должность. Ротация происходит каждые четыре года. При Совете имеется Исполнительный комитет. Его члены назначаются правительством штата Квинсленд. Это почти исключительно белые люди. Именно в их руках сосредоточена реальная власть в поселке и на всей территории Аурукуншире. Наибольшим влиянием пользуются председатель комитета и его помощница.

В целом белые начальники плохо знают черных людей, сторонятся их, живут своей жизнью, не уважают и, мне кажется, не стремятся понимать, пользуются их беспомощностью в делах с деньгами, например. В их действиях много начальственного самодовольства и манипуляторства (заставлять ждать, скажем, чтобы показать, кто тут все решает). Настоящие «боссы» здесь только белые, в основном мужчины. Есть и белые дамы, они тоже на ведущих местах.

Имеется большой штат полиции, который поддерживает порядок, занимается урегулированием или прекращением многочисленных драк, осуществляет аресты правонарушителей и доставку их в тюрьмы, содержащиеся в более крупных населенных пунктах. Время от времени в поселок прибывают выездные суды и разбирают дела о тех или иных преступлениях, среди которых преобладают семейное насилие и угон автомобилей.

Имеются, однако, и два самостоятельных органа с совещательными полномочиями. Группа справедливости и Группа защиты женщин. Членство в обоих добровольное, по желанию. Группа справедливости занимается преимущественно разбирательством семейных конфликтов, урегулированием ссор, примирением враждующих. По решению Группы справедливости злостный нарушитель общественного порядка может быть изгнан из поселения на время или навсегда. Это тяжелейшее наказание, в нем можно видеть отголосок традиционной системы наказаний, осуществлявшихся советами стар-

ших мужчин. В отличие от традиционных советов старших, в которых могли участвовать только мужчины, Группа справедливости состоит почти исключительно из женщин. К числу ее решений относятся также частые «отлучения» от таверны на разные сроки (год, полгода, три месяца) тех, кто проявляет особую агрессивность в состоянии алкогольного опьянения.

Группа защиты женщин имеет предназначение помогать женщинам и детям избегать насилия со стороны мужчин. Обычно женщинам и детям, страдающим от насилия, предоставляется временное жилье, питание, одежда, постель. Группа защиты женщин находится в постоянной конфронтации с Исполнительным комитетом Совета, так как не находит необходимой административной и материальной поддержки.

В целом следует отметить низкую социальную активность основного населения Аурукуна, нежелание принимать участие в решении общих проблем, даже если такая активность стимулируется властями. Почти полностью отсутствует настрой отстаивать свои права, пытаться объединить усилия для усовершенствования условий жизни, борьбы с алкоголизмом, наркоманией и теми, кто подпольно распространяет алкоголь и наркотики, наживаясь на этом, равно как и с другими проявлениями «социального зла».

К числу таких проявлений, безусловно, относится реакция на неуклонное наступление горнодобывающей промышленности на земли аборигенов. На словах признавая вредные последствия горнодобычи (бокситов, в первую очередь), люди почти ничего не предпринимают, чтобы воспрепятствовать процессу наступления горнодобытчиков. Не наблюдается не только беспокойства о здоровье населения и состоянии природных ресурсов, но даже и интереса к распределению получаемых или планируемых в перспективе прибылей от горного дела.

Неофициальная власть

Неофициальная власть — это мощная сила, которая почти полностью подчинена традиционным нормам и действует в русле традиционной ментальности. Это, прежде всего, власть обычая, нормы, веры. Власть отношений родства. Власть общественного мнения и власть сплетни. И только во вторую очередь — это власть спонтанных лидеров, волевых мужчин и женщин.

Родственная взаимопомощь и «дележ по требованию» все еще непререкаемые законы взаимодействия людей. Строго соблюдаются нормы избеганий, этикет вежливости. Свято чтятся многие религиозные табу и предписания, особенно те, что связаны со смертью. Глубоко уважается суверенитет чужой земли и неприкосновенность

секретных святилищ, предметов и знаний. Большим уважением пользуются те, кто сведущ в обрядах и в магии, особенно лечебной. Глубок страх перед колдовством и колдунами, хотя никто открыто не признается в том, что причастен к этому занятию.

Несмотря на то, что все члены сообщества связаны узами родства, в поселении наблюдается не субъективная, эгоцентрическая, а объективная, социоцентрическая иерархия статусов. Влиятельность некоторых мужчин и женщин поразительна. Им не решаются прекословить, им подражают в большом и малом. Заискивают не только перед ними самими, но и перед членами их семей. В отличие от традиционной ситуации, в современных условиях имеются весьма авторитетные, влиятельные женщины.

Вместе с тем есть четко очерченные сферы жизни, в которых решения принадлежат только семье или только личности. Есть частные пространства, в которые никому не пристало вторгаться и которые принято уважать. Несмотря на господство норм взаимопомощи, этих людей нельзя назвать коллективистами. Они предпочитают индивидуально добывать пищу и индивидуально потреблять свою долю после отдачи традиционных «долгов». Им почти незнакомо людное застолье, а пир для них — это всего-навсего раздача порций еды, с которой каждый волен уйти куда хочет. Рыболов поделится уловом с родней, если рыбалка была успешной, но в процессе ловли он постарается оградить свое индивидуальное пространство от присутствия других. Люди ходят по поселку куда хотят и когда хотят. Никто не интересуется местонахождением взрослых родственников, и они могут сутками находиться, где им заблагорассудится, никого не оповещая о месте своего пребывания. Исследователи утверждают, что высокая степень «автономии личности» — это типичная особенность традиционной культуры аборигенов группы вик.

Самые яркие впечатления

Я называла их про себя моментами истины. Таких было много. Я видела, ощущала, «узнавала» то, о чем читала в книгах долгие годы. Вот некоторые выдержки из моего дневника с попутными комментариями.

В один из первых дней мой сосед по гостевому дому, почтовый служащий из Брисбена, приходит с работы «и так по-деловому спрашивает, сколько опросила сегодня. Пришлось признаться, что ни сколько, да еще что-то бормотать в оправдание. У них — у англо-австралийцев — строго. Должен быть результат, желательно счисляемый. А того не понимают, что одно сознание — я на реке Арчер среди викмункан — это уже самый непревзойденный в мире результат. Я лица их черные, глаза сверкающие, ноги стройные, а часто и неправдопо-

добно худущие, вокруг вижу. Коричневые люди и красные пески! Они здороваются со мной: гуд автенун, мэ. Замечают меня, интересуются... Я еще не знаю, о чем их спрашивать, тут на каждом шагу или большое место у самых аборигенов, или что-то хотят власти скрыть, замаять... Живу здесь, дышу этим воздухом, и слава Богу».

Проходят дни. И вот уже меня представили земле Уотсон Рива, я теперь — сестра из «Уотсон Рива моб. Мой брат Патрик Путчемунка ‘наложил на меня пот’, когда мы добрались до болота, усеянного цветущими водяными лилиями, и я стала “принадлежать” той земле. Сколько раз я читала о церемонии наложения пота, а теперь он сделал это для меня. Взял пот из-под мышек и помазал им мои щеки, лоб и руки. Всего пятеро или шестеро белых до меня удостоились того же».

В тот же день «милая женщина зовет прийти к ней домой в шесть — семь вечера учиться танцам. Они готовятся к церемонии открытия дома. Репетиция будет (дансинг прэктис). Иду, палками отбиваюсь от исходящих лаем собак, нахожу дом ее в самом дальнем конце поселка. Стемнело уже, а они, оказывается, не здесь, а в другом доме. А тот дом в противоположной стороне. И где я этот дом среди свор собак в кромешной тьме искать буду?». На другой день опять зовут, и опять не выходит. На следующий — то же самое. Днем планируют быть в одном месте, а вечером собираются в другом. На следующий день снова зовут. К семи часам, в дом Дороти Путчемонка, она у них очень авторитетна. Отправляюсь, а меня не пускают. Всюду полицейские. Через улицу перейти не позволяют. Оказывается, «один молодой парень с огромным ножом бежит. Полиция почему-то этого парня с ножом только вдоль главной дороги ищет. По центральной улице он побежит, чтобы скорее к ним в руки! Минут двадцать проходит, комары-звери, и машины полицейские туда-сюда. Переговариваются — в рупоры кричат, гудят клаксонами, парня ловят! И больше ни души. Стемнело. Иду все-таки. Продвигаюсь во тьме, две женщины мне навстречу, увидели меня, подошли. Одна старше, другая моложе. Боятся. Говорят: “Не свети фонарем, он увидит, прибежит”. Я спрашиваю: “А что происходит-то?” “Да, — говорит старшая, — он с девушкой своей подрался, нож у него, грузовик...” “Что, — говорю, — украл?” “Нет, — отвечают, — только собирается”. Ну, думаю, это никогда не кончится, идти надо. “У Дороти, — говорю, — ждут меня” (это я так думаю). А тут как раз видим, что мой брат, чье имя мне нельзя произносить [этот человек умер, как мне написали из Аурукуна, в январе 2006; теперь его близким никогда нельзя будет произносить его имя], церковь запирает. Они его окликнули, проводи, мол, Ольгу к Дороти. Он — конечно. Идем. И так рассуждает: “Это ничего. Молодые люди, они иногда сходят с ума, на несколько часов. Потом он придет в себя. Сейчас где-то прячется, наверное. Нечего бояться”. Он говорил так, как если бы со стороны на все это смотрел.

Он как бы вне всего этого и над полицией вроде слегка посмеивается. Довел меня до Дороти. Простился. А у Дороти никакого собрания. Темный двор. Дороти, которую я сначала не разглядела, очень мрачна. (“Когда я пришел на эту землю, никто меня не ожидал...”). Но пригласила сесть. Стул пластмассовый уступила. Сама у ног моих на подстилке разместилась. Панданус рвет для юбки (церемониальной). Говорит только по-вик-мункански с сестрой своей и бывшим мужем, которые тут же сидят. Но, услышав от меня, что я хотела смотреть, как готовятся к церемонии, ответила по-английски: “посмотришь”. А сама панданусом занимается. Молча. Минут через десять встает, пойдем, говорит. И сестра ее с нами. Берут стулья, вскидывают на плечи, идем куда-то. Тьма крошечная. Почти у каждого дома в темноте какие-то фигуры мечутся, и крик на грани драки. Все вернулись после таверны, в воздухе висит психологическое электричество высокого напряжения. В глубинке этой их жизни я еще не бывала. Невольно дрогнула. Одной отсюда мне не выбраться. Что у них на уме, не знаю, говорят только по-своему, может, они меня поучить уму разуму хотят... Да ладно, будь что будет. Подошли к освещенному наружными огнями дому. Фонарики у входа разноцветные. Большой двор, покрытый песком пополам с пылью, собаки, дети, взрослые полукругом, кто на земле, кто на стульях, кто на подстилках полиэтиленовых. Костер горит. Мне сразу стул уступили девочки какие-то.

Сначала девушки в длинных разноцветных — голубых, розовых, зеленых, желтых — юбках из каких-то блестящих бумажных полос хулу [хула — танец, заимствованный у гавайцев] танцевали. Очень красиво, музыка замечательная, музыкальный центр у них перед дверью дома на столике. Диски. Но по сравнению с полинезийками они очень худые, бедрами раскачивать умеют, а впечатление другое. Но все равно прекрасно. Они действительно тренировались, так как повторяли одно и то же по много раз. А мистер мэйор — Невилл Путчемонка — руководил, заставлял повторять. С речью выступил: как важно к церемонии хорошо подготовиться. Говорил по-английски, и было в той речи, мне так показалось, что-то демагогическое. Но, может, я просто начальство не люблю. Внучка его, Шейла, на центральных ролях, хотя и танцует не лучше всех и сутулится очень, что с хулой не вполне сочетается. Зато в восторг меня привела девушка лет четырех. На нее тоже юбочку надели, сначала она стеснялась в круг выходить, а потом ее уговорили. Я тоже уговаривала. Как же чудесно у нее сразу получилось! Вспомнила, где-то читала, что дети-аборигены рождаются умеющими танцевать. Точно! И это еще один из моментов истины, когда своими глазами убеждаешься. Она танцевала, а восторгу женщин не было предела. А Дороти была все мрачна. Я спросила ее, не бросила ли она еще курить. Она сказала,

что не сможет бросить. И тогда я потихоньку дала ей пачку сигарет, которая была у меня припасена. По ее “спасибо систе”, я поняла, как это было кстати. И до чего удивительно ловко она эту пачку спря- тала. А потом удивительно ловко украдкой курила. От курева ли, от девочки ли, но и она повеселела.

Оглядывая все общество, я поняла, кожей почувствовала, что им хорошо вместе, что вот сейчас они живут, как хотят. При костре, на песке, дети, женщины, мужчины, собаки и музыка. И шутки, смех, и только свой язык. И все кругом только свои. Некого стыдиться, что в пыли, что в соплях детишки, что кое-кто пьяный, что все чешутся... Даже собакам полумертвым в этот час неплохо. Это по их позам, как они растягивались на животе у ног людей, видно было. Все вместе, и хозяева рядом!

Потом танцевали мужчины. У них два танца. Что-то островное, с Торресова пролива заимствованное, и свое. И то, и другое хорошо. Особенно энергичны, мужественны их собственные танцы. Аккомпа- нмент — пение, барабаны и клэп-стикс. В самые буйные моменты выскакивают и женщины. А так они только поют. Очень хорошо поют.

Когда Дороти объявила, что пора уходить, я беспрекословно под- чинилась, хотя и хотелось еще побыть. Однако и на том спасибо. До- роти велела мне особо попрощаться с мистером мэйором. Что я и сде- лала. Он был милостив и звал на церемонию. Я и всем громко крик- нула “Апол” (“до свидания” на вик-мункана), они радостно ответили. А одна женщина сказала “Дороти, ты теперь береги ее!” “Да я буду!” — ответила Дороти. И я была трогательно доставлена к дому».

А на следующую день ко мне пришла одна из моих сестер и ска- зала: «Парень тот отсиделся где-то, спрятался, — в сарае, может, в лесу, может, — и к утру сам пришел в полицию, попросил его арес- товать. Его уже отправили в тюрьму. И изобразила, как он пришел в полицию, постучался, руки протянул, арестуйте меня, мол, наруч- ники надевайте. Очень впечатляюще и грустно!».

В последующие вечера я неизменно присутствовала на репети- циях, а на церемонию отправилась как член многочисленной семьи.

Церемонии «Открытия дома» — это чье-то гениальное изобре- тение. Скорее всего, миссионерское. В традиционных условиях абори- гены навсегда покидали стоянку, на которой кто-то умер. Забрасы- вали они, наверное, в таких случаях и дома в стационарных посел- ках. С этим не могли смириться белые люди, и нашли выход: ввести особые очистительные церемонии по прошествии некоторого перио- да «пустования дома». Церемония очень длительна — часа четыре не меньше — и сложна. Прежде чем «открыть» покинутый после смерти человека дом и войти в него, люди долго танцуют и поют у входа, определенные родичи покойного (или покойной) выполняют определенные ритуальные роли. Каждая семья или каждый клан

имеет отличительные черты в одежде и раскраске лица. Например, у одних голубые майки с изображением крокодила, у других — желтые с изображением черепахи. Масса украшений — цветы натуральные и искусственные, гирлянды, венки, ленты и т.п. Все это специально готовится. Очень тщательно наряжают и украшают детей. Все одежда либо новая, либо тщательно выстиранная. Яркая и светлая.

Большинство исполняемых во время таких церемоний песен и танцев создано жителями Аурукуна, они так и называются по именам композиторов: «песня анти Айрин» или «песня систе Кэройлайн». Если автор умер, то могут сказать: «песня отца такого-то». Мотивы песен и па танцев часто заимствованы от островитян Торресова пролива, но содержание — свое, отражающее события или переживания, значимые для создателя. Обычно слова песни никак не связаны с умершим. Кульминация церемонии — исполнение традиционного танца вик-мункан — аплач. Сначала танцуют обнаженные по пояс мужчины с копьями и с раскрашенными телами и лицами. Затем присоединяются женщины. Они, как правило, одеты, но это следствие миссионерских стараний. Под конец церемонии люди торжественно обходят вокруг дома. Несколько слов произносит священник. Потом заходят в дом, громко рыдая. Этот момент очень драматичен. Обычно уже наступают сумерки или даже почти темно. Зажигаются разноцветные фонарики. На лиловато-красном небе сияет серебряный месяц и рядом с ним — огромная и яркая Венера. Плач перемежается пением, бой барабанов сопровождается стрекотанием цикад и громкими криками тропических птиц. Завершается все пиром. Помимо покупной еды угощают мясом специально добытых на охоте животных, обычно кабанов и уток. Все — и выступления танцоров, и украшения домов, и еда — готовится чрезвычайно тщательно, неспешно и добросовестно. Это истинный праздник, который люди делают для самих себя. Церемонии «Открытия дома» — самые яркие события их общественной жизни.

Было бы странно, если бы я не попыталась узнать, бытуют ли еще у мункан их замечательные мифы. Оказалось, что лишь немногие. Да и излагают их упрощенно. Но все же мне повезло. Я нашла талантливую рассказчику, который в буквальном смысле «показал», «изобразил» несколько мифов из сборника У. Макконнел. Я записала эти сцены на видеопленку. Вообще же сегодняшних вик-мункан гораздо больше интересуют реальные события их повседневной жизни, нежели странствия и конфликты тотемических предков. Люди в Аурукуне с огромным увлечением и искусным драматизмом рассказывают о ссорах, драках, путешествиях, приключениях своих знакомых и родных. Особо подробны и выразительны рассказы о сородичах, которые, оказавшись вдали от Аурукуна (в тюрьме, на заработках по контракту), отчаянно скучали по дому, по родным;

устраивали побеги, преодолевая пешком сотни километров, пересекая вплавь реки, кишачие крокодилами и иными тварями, ночуя в лесу без огня, безоружные и мучимые комарами и голодом; добирались в конце концов к своим и вскоре вновь оказывались в руках полиции... Вот такие рассказы мне ни разу не разрешили записать ни на видео-, ни на магнитофонную пленку. Как мне давали понять, уже одно то, что со мной говорят об этом, — большая честь и большая редкость во взаимоотношениях с белым человеком. Хотя, как я убедилась, вполне белой меня не считали.

Дело было не только в моих темных глазах и смуглой коже. «Белые» и «черные» для коренных австралийцев — это понятия социальные, и они лили бальзам на мою душу, вознаграждая все мои усилия, когда неоднократно говорили: «Нет, ты не белая, таких дружелюбных, таких добросердечных белых не бывает».

Я часто читала в книгах об этих людях, что они, расставаясь с теми, кого любят, горько, в голос плачут. Окружающие предрекали это и мне. Самые близкие мои родственники пришли к взлетной полосе проводить меня. Они спели для меня особую песню, сочиненную для тех, кто покидает Аурукун и о ком там будут жалеть. Но они не плакали. А я плакала.

Заключение

Итак, впервые российский исследователь имел возможность вести полевую работу в поселении австралийских аборигенов языковой общности вик. Собраны уникальные для отечественной этнологии материалы в сообществе, в значительной мере сохраняющем культурные традиции охотников и собирателей. Кроме того, дополнительный материал собирался в Виктории, при взаимодействии с представителями нескольких Курри (аборигенных) организаций Мельбурна, а также в библиотеках и архивах Канберры, преимущественно в библиотеке Института по изучению аборигенов Австралии и островитян Торресова пролива. Имеется обширный видеоматериал (10 цифровых кассет по 60 мин.), а также полевой дневник объемом в 6,0 а.л. По материалам экспедиции будет написана научно-популярная книга, и они войдут в монографию «Охотники и собиратели: опыт изучения альтернативных социальных систем», почти полностью подготовленную к печати.

Выражаю огромную признательность Российскому научному гуманитарному фонду, субсидировавшему мою поездку; И.В. Власовой, Н.Л. Жуковской, В.А. Тишкову, а также многим другим моим московским коллегам и сослуживцам, поддержавшим меня в этом предприятии. Я чрезвычайно благодарна австралийским коллегам и друзьям: Д. Мартину, Н. Кук и У. Куку, В.Р. Кабо, Е.В. Говор,

Р. Крибу. Мне очень помогли сотрудники аборигенных организаций Виктории: Д. Вуд, К. Джексон, М. Мичингтон и многие другие. И я бесконечно обязана всем моим аурукунским братьям и сестрам, особенно же: Максвеллу Вик-Мунеа, Сесилу Валмбенгу, Дон Кундубин, Бьюле, Гарриет, Дороти, Кэролайн, Мэйвис, Ните, Патрику, Соне и Этель Путчмонка, Филис Янкопорта и тем двум покинувшим этот мир моим братьям, чьи имена мне нельзя написать.

П.Л. Белков

ЕЩЕ РАЗ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ДОКУМЕНТОВ ПРИ РЕКОНСТРУКЦИИ СТАРИННЫХ МУЗЕЙНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ (НАВРОСКИ МЕТОДА)

Проблема идентификации безымянных этнографических поступлений носит универсальный характер. В западных музеях эта проблема связана в основном с куковскими коллекциями. Фактически единственный метод ее решения — метод подбора, т.е. прямое сопоставление реальных музейных экспонатов с предметами, указанными в старинных каталогах, конечно, при том обязательном условии, что их удастся найти.

Как правило, авторы работ исходят из тезиса, что находка подобного документа сама по себе является решением проблемы. Между тем по той же причине при исчерпывании информации, лежащей на «поверхности» документа, прекращаются всякие попытки дальнейшего анализа. С этого момента исследователи переходят к поиску связей между вещами во внешнем по отношению к документу пространстве — прижизненных связей потенциальных дарителей коллекций в сфере их семейных, профессиональных или каких-либо других контактов, в сочетании с изучением их географии: маршрутов путешествий, частных вояжей и пр. Однако нельзя забывать, что подобный метод выявления источников неидентифицированных поступлений не является панацеей, ибо обладает сугубо негативным свойством. С помощью этого метода можно установить, какие предметы *не* могли входить в ту или иную коллекцию, а не наоборот. Например, из посещения экспедицией того или иного района мира нельзя делать непосредственный вывод о том, что безымянные вещи, обнаруженные среди коллекций музея, относятся к сборам именно этой экспедиции.

Итак, метод подстановки («предмет — список») имеет существенные ограничения, обусловленные природой старинных каталогов или реестров. Посредством использования таких документов возможно лишь частичное воссоздание ранних коллекций.